

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 1 - 2015 январь – март <http://mir-nauki.com/issue-1-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf>

УДК 80

Шутая Наталья Константиновна

ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», Россия, Москва

Профессор кафедры русского языка и литературы социально-гуманитарного факультета

Доктор филолог. наук

E-mail: Shutaya@yandex.ru

К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа

Аннотация. Столица и провинция в русском классическом романе всегда представляли особый тип смысловой оппозиции, лежащий в основе целого ряда сюжетных коллизий и служащий важным средством художественной реализации авторских идей. Данная статья посвящена сравнительному анализу «столичного» и «провинциального» уровней и их сопоставлению с оппозицией «Россия - Заграница» в художественном пространстве романа.

Ключевые слова: русский классический роман; художественное пространство; столица; провинция; заграница.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шутая Н.К. К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №1 <http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Одним из важнейших выразительных средств романного жанра является художественное пространство, к числу основных компонентов которого относится топология романа, то есть явно или неявно (имплицитно) выраженная в произведении система представлений о строении географического пространства.

Заметим, что соотношение между топологией романа и реальным географическим пространством, опосредованное идеальной моделью географического пространства, может быть различным. Топологическая система русского классического романа конца XVIII - XIX вв., как правило, представляет собой идеализированную модель реального географического пространства. В зрелых образцах классического русского романа обычно наблюдается полная референция романного пространства с географией Российской Империи. При этом референция не во всех точках пространства является прямой, то есть не каждому поименованному пункту топологии романа соответствует реальный географический пункт с тем же, или иным, но однозначно угадываемым названием.

На языковом уровне топологическая система произведения реализуется посредством топонимики. В концепции И. А. Воробьевой топонимическая система рассматривается как «совокупность топонимов определенной территории, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями» [1, 11]. Ряды топонимов формируются и упорядочиваются по каким-либо структурным или семантическим признакам. При этом, как замечает Г. В. Глинских, «...системные отношения между лингвистическими единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал, что вполне вероятно и закономерно, но интерпретируются как специфические связи, создающие особую, топонимическую системность» [2, 44].

Принимая во внимание общую структуру географического пространства русской культуры XVIII – XIX вв., необходимо отметить, что, согласно административному делению Российской империи, вся территория страны была разделена на губернии, губернии – на уезды. Отсюда – топологические уровни, соответствующие губернским и уездным городам. Губернский город – это достаточно крупный город (такой, как Нижний Новгород, Саратов, Курск, Орел и т.д.), имеющий прямые сношения со столицей и опосредованные – с заграницей. Среди персонажей русского классического романа, локализованных в губернском городе, – чиновники высоких разрядов (среди них почти обязательно присутствует или хотя бы упоминается губернатор), богатые помещики, представители демократической интеллигенции. Уездный город – маленький, чаще всего, безымянный, с выраженными приметами провинциальности, заброшенности, периферийности. Для этого топологического уровня органичными персонажами являются мещане, купцы. Жизнь героя в уездном городе часто связывается с бедностью, невезением, жизненной неудачей. Характерным примером может служить жизнь одного из героев романа И.А.Гончарова «Обрыв» Леонтия Козлова. «Скажи, пожалуйста, ты так век думаешь прожить?», – спрашивает у него Райский, имея в виду не столько бедный домишко своего бывшего университетского товарища, сколько то, что он похоронил себя в глуши уездного города. «Ничего тебе не хочется, никуда не тянет тебя? Не просит голова свободы, простора? Не тесно тебе в этой рамке?», – допытывается он у Леонтия [3, 207].

Губернский и уездный города определяют средний уровень топологии географического пространства. Более низкий уровень – это деревня, российская глубинка. В русском классическом романе деревня – это место обитания помещичьей семьи, характеризующееся определенным укладом жизни, который отражает нравы обитателей. Текстовыми маркерами этого уровня является использование в тексте термина «деревня», либо «имение», «поместье», «усадьба» [6, 341 – 356]; выбор в качестве места действия деревни. Заметим в скобках, что примерно с 20-х XIX в. функции «летней усадьбой» в жизни русского

столичного дворянства, а, соответственно, и, в русской бытописательной литературе, стали выполнять дачи, уклад которых отличался большей демократичностью [6, 348]

Высший уровень российской топонимии определяют столицы – Москва и Петербург.

Как видим, топонимическая система русского классического романа включает, как минимум, четыре уровня. При этом образно-смысловая оппозиция «столица - провинция» реализуется на разных топонимических уровнях. Концепт «провинция» в русской культуре многозначен. Характерные черты провинциальной жизни – размеренный уклад, приверженность традициям, скука, медлительность, скудость внешних впечатлений, но, наряду с этим, нравственная чистота и неиспорченность, глубина и насыщенность внутренней, духовной жизни, - могут переноситься и на столичные города. Гоголь в «Мертвых душах» одним из первых соотнес провинциальный город и столицу в художественной практике, представив это в универсально-символическом плане. Так, например, Коробочка мало отличается от своей «аристократической сестры» в столице, засыпающей над романами, а Собакевич и в Петербурге был бы медведеподобным. Иногда черты провинциальности демонстрирует столичная окраина. Это сумел передать в романе «Обломов» И.А. Гончаров, описывая мир и тишину Выборгской стороны Петербурга.

В связи с этим нельзя не отметить такую важную особенность культурно-географической модели России начиная со времен Петра I, как наличие в ней двух столиц – Санкт-Петербурга и Москвы. Оппозиция «Петербург – Москва» стала одной из культурных констант национального сознания. Петербург – город, созданный волей одного человека – гения и тирана, на «гиблом» месте, среди болот, средоточие государственной бюрократической власти, представленной многочисленными казенными учреждениями, город прекрасной архитектуры и изломанных судеб, город миллионеров и нищих, город причуд, изысков и извращенных преступлений, циничного расчета и романтического безумия, город дельцов, карьеристов, «мечтателей» и самоубийц.

Москва же – это столица древняя, естественная, место «благое» и благодатное, город храмов и монастырей, традиций, русского хлебосольства, город, в котором равномерно и гармонично представлены все сословия, город, поддерживающий прочную связь с деревней, почвой, страной, это город стабильной и спокойной жизни в соответствии с человеческой природой и естественными потребностями человека. Петербургской суете и деловитости противостоит размеренность и праздность московской жизни, а петербургской экзальтированности – сосредоточенность на обычном, естественном течении жизни с ее повседневными заботами и радостями.

На фоне блистательного и официозного Санкт-Петербурга, провозглашенного с самого момента своего основания официальной столицей Империи, Москва с ее размеренным укладом и мощной «корневой системой», простирающейся до самых темных уголков русской «глубинки», выступает, если не как олицетворение, то как «полномочный представитель» провинции. Оппозиция «Москва – Петербург» рельефно представлена в романах Л.Н.Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Так, в романе «Анна Каренина» Москва – это город Облонских и Щербацких. Обе эти семьи отмечены сердечностью, радушием, традиционным хлебосольством. В основе всех их отношений лежит любовь. Петербург – город высшего света, «золоченой молодежи петербургской», город Карениных и Вронских – семей, в которых царит холод.

В романной топонимии Москва и Петербург практически всегда представлены своими автономными (то есть своими настоящими именами). Деревни же в русском романе обычно либо безымянны, либо обозначены вымышленными названиями. То же можно сказать об уездных городах. Губернские города чаще обозначаются своими автономными, в ряде случаев их

прототипы легко угадываются. Так, по мнению многих исследователей, прототипом губернского города, в котором разворачивается действие романа Ф.М.Достоевского «Бесы», является Тверь.

Эртнер Е.Н., исследуя феномен провинции в русской прозе XIX века, констатирует, что художественное сознание мифологизирует провинцию начиная с XVIII века. «Интенциональность провинции, - утверждает Эртнер, - открывается как мифопоэтическое пространство, где время сгущается и становится пространственной формой («специализируется», по В. Топорову). Формой феноменологизации провинции выступает «миф» о «жесткой провинции», доминантный в русской классике, символизирующий «ушедшие» времена и необычайно художественно ярко репродуцируемый писателями на уровне оппозиции столица – провинция, поэтики имени города (Глухов, Скотопригоньевск, Чухлома, город N, С и др.), портрета (символика «глухого забора», «вечных луж» и т.д.) и многого другого» (10, 29).

Заметим, что и вся Россия как целое, в сравнении с Западной Европой, воспринималась русскими XVIII-XIX вв. как провинция [7, 331 – 340; 5, 357 – 365]. И в этом смысле на оппозицию «Россия – Заграница» переносятся многие характерные свойства оппозиции «провинция – столица». До времен Петра I россияне, были мало знакомы с Европой и знали о ней, в основном, понаслышке. Реформы Петра Великого, направленные на европеизацию России, способствовали активному включению России в общеевропейскую жизнь. Множество русских, в основном дворянских детей получили возможность отправиться за границу, Россия тоже стала открытой для иностранцев, в Петербург и Москву стали прибывать дипломаты, ученые, путешественники, архитекторы из Европы. Эти процессы не могли не получить отражения в художественной литературе.

Уже романах XVIII в. мы видим, как закладывается один из устойчивых мотивов, характерных для русской литературы, – мотив отъезда героя за границу России, причем заграничные места воспринимаются как лучшие по сравнению с Россией, более интересные, комфортные, перспективные для героя (см., например: «История о Александре, российском дворянине» [8, 25 – 29]. Впоследствии одним устойчивым мотивом русской литературы станет возвращение героя из прекрасной, благополучной, просвещенной Европы в Россию.

В свете этого большой интерес представляет позиция А.Лунсбери, отождествляющая представленную в русском классическом романе оппозицию «Россия – Заграница» с оппозицией «провинция – столица». Из того факта, что Москва и Петербург в XIX в. стремились подражать Европе в модах, устройстве быта и культуре в целом, делает вывод о глубинной, сущностной «провинциальности» Москвы и Петербурга и всей нации в целом [10, 259 – 260]. При этом под «провинциальностью» русской нации А.Лундсбери понимает ее неаутентичность, неподлинность.

С последним нельзя не согласиться. Анализ русского романа конца XVIII – XIX вв. приводит к мысли о принципиальной несводимости сущности русской жизни к внешне бытовым ее проявлениям. Хотя жизнь за границей (в Европе) и предстает в русских романах как более комфортная, красивая и безопасная, герой романа все-таки стремится в Россию именно за подлинностью, аутентичностью, за экзистенциальной насыщенностью жизни, причем нередко он стремится сюда только для того, чтобы погибнуть здесь, захлебнувшись этой невыносимой для человека, вкусившего западных удобств, полнотой русской жизни. Русская жизнь в сравнении с жизнью заграничной (европейской) предстает в русском романе как неправильная, уродливая, мучительная, но в то же время и мучительно, до боли настоящая.

Хотя чужие (западные) страны, как правило, и предстают в русском романе как места более спокойные, безопасные, цивилизованные и комфортные, чем родина (и в этом, но только

в этом смысле действительно «столичные»), Россия выступает в нем как некий экзистенциальный эпицентр, в котором сконцентрированы не только все неудобства, но все тревоги, страсти, сомнения, борьба, опасности и беды, – все то, что порой заставляет человека проклинать жизнь, но что в то же время дает ему возможность жить в полную силу, открывает ощущение подлинности и предельной полноты бытия.

Показательны в этом смысле слова героини романа Ф.М.Достоевского «Идиот» Лизаветы Прокофьевны Епанчиной: «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!» [4, 510]. Если же герой не выдерживает испытания Россией, то он либо гибнет, либо покидает родину, чтобы найти хотя бы временное пристанище, успокоение и отдых за границей, как, например, князь Мышкин [4, 508]. Через многие классические сюжеты русской литературы проходит мысль о том, что за границей, быть может, и хорошо, и безопасно, и покойно, но настоящая жизнь, пусть и граничащая со смертью, возможна лишь в России.

Таким образом, хотя оппозиция «Россия – Заграница» и несет в себе определенные черты сходства (главным образом, структурные) с оппозицией «провинция – столица», однако для отождествления этих двух оппозиций оснований нет. Сопоставление провинции и столицы выступает в русском романе как особый тип смысловой оппозиции, лежащий в основе целого ряда сюжетных коллизий и служащий важным средством художественной реализации авторских идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева И. А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. - Томск, 1976.
2. Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии. -Свердловск, 1987.
3. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т.7. - СПб.: Наука, 1997.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.8. -М, Л.: Наука. 1972—1990.
5. Есикова Н.Д. Провинциальный город в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Провинция в контексте истории и литературы: Мат-лы II Крапивенской краеведческой конференции. - Тула, 2006.
6. Нагих Т.А. Образ дачи как «летней усадьбы» // Провинция в контексте истории и литературы: Материалы II Крапивенской краеведческой конференции.- Тула, 2006.
7. Силина Л.А. Черты хронотопа провинциального города в повестях Гоголя // Провинция в контексте истории и литературы: Мат-лы II Крапивенской краеведческой конф. - Тула, 2006.
8. Хрестоматия по русской литературе XVIII в. Сост. А.В.Кокорев. - Л., 1965.
9. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. ... доктора. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
10. Lounsbury A. “No, This is not the provinces!”: Provincialism, authenticity and russioness in Gogol’s day // Russia. – Standfort, 2005. Vol. 64.

Shutaya Natalia Konstantinovna

Russian state social university

Russia, Moscow

E-mail: Shutaya@yandex.ru

To the question about the opposition of capital and the province in topological system of the Russian novel

Abstract. The Capital and province in the Russian classic novel has always represented a special type of semantic opposition underlying the whole series of conflicts and plot serves an important means of artistic realisation of the author's ideas. This article is a comparative analysis of "capital" and "provincial" level and against the opposition of "Russia Abroad" in the artistic space of the novel.

Keywords: Russian classic novel; art space; capital; province; abroad.

REFERENCES

1. Vorob'eva I. A. Sistemnye svjazi toponimov srednej chasti bassejna reki Obi // Voprosy russkogo jazyka i ego govorov. - Tomsk, 1976.
2. Glinskih G. V. Toponimicheskaja sistema i strukturno-semanticheskie priznaki ishodnyh apelljativov // Formirovanie i razvitie toponimii. -Sverdlovsk, 1987.
3. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T.7. - SPb.: Nauka, 1997.
4. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T.8. -M, L.: Nauka. 1972—1990.
5. Esikova N.D. Provincial'nyj gorod v romane I.A. Goncharova «Oblomov» // Provincija v kontekste istorii i literatury: Mat-ly II Krapivenskoj kraevedcheskoj konferencii. - Tula, 2006.
6. Nagih T.A. Obraz dachi kak «letnej usad'by» // Provincija v kontekste istorii i literatury: Materialy II Krapivenskoj kraevedcheskoj konferencii.- Tula, 2006.
7. Silina L.A. Cherty hronotopa provincial'nogo goroda v povestjah Gogolja // Provincija v kontekste istorii i literatury: Mat-ly II Krapivenskoj kraevedcheskoj konf. - Tula, 2006.
8. Hrestomatija po russkoj literature XVIII v. Sost. A.V.Kokorev. - L., 1965.
9. Jertner E.N. Fenomenologija provincii v russkoj proze konca XIX – nachala XX veka. Avtoref. dis. ... doktora. filol. nauk. Ekaterinburg, 2005.
10. Lounsbury A. “No, This is not the provinces!”: Provincialism, authenticity and russioness in Gogol’s day // Russia. – Standfort, 2005. Vol. 64.